Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Старый лекарь. Сон про летнюю ночь. Часть 1

Все названия, образы, имена, обстоятельства, описания и прочие детали повествования, приведенные в данном рассказе, являются целиком и полностью вымыслом автора. Любые совпадения с реальностью являются чистой случайностью.

ВНИМАНИЕ! В рассказе присутствует НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА!

Этот странный сон преследовал Соню очень давно, едва ли ни с самого детства. Странность его заключалась не только в том, что он в деталях повторялся из раза в раз, но главным образом в том, что она всегда отчётливо понимала, что спит, но, несмотря на это, очень реально ощущала всё, что с ней происходит, кроме того, как ни пыталась, она никак не могла по своей воле проснуться! Что только ни пробовала: щипать, колоть и даже кусать себя — было больно — и всё, но сон не прекращался. Впрочем, финал тоже всегда был почти одинаков: она просыпалась на одном и том же месте, как будто кто-то наложил табу на то, чтобы смотреть этот сон дальше.

Хотя детали сна и упорно повторялись, однако, почти всегда в нём было и что-то совершенно новое, и это не позволяло хладнокровно просчитывать, что произойдет в следующий момент. Всё это вместе походило на какой-то квест, который девушке приходилось проходить всегда заново с немалым напряжением. После ночей, когда он снился, она всякий раз чувствовала себя разбитой и утомлённой, как будто не спала вовсе.

Раньше Софи (ей нравилось, когда друзья и родители называли её именно так) видела его довольно часто — раз в несколько месяцев уж точно, но вот уже больше года, после наступления совершеннолетия, он ей не снился ни разу, и она решила, что распрощалась с ним навсегда, но не тут-то было...

* * *

Софи быстро семенила трусцой босыми ногами по сырой земле узкой лесной тропинки, которая извивалась, огибая деревья в дремучей чаще. Было тепло и солнечно, кроны высоких деревьев то сходились над её головой плотным куполом, то расступались, открывая взору чистое голубое небо. Откуда-то сверху доносились голоса птиц, в траве стрекотали кузнечики, где-то вдалеке временами стучал дятел. День клонился к вечеру, дул лёгкий свежий ветерок, который развевал её светлые волнистые локоны и трепал подол ярко-красного платья из тонкого ситца с белыми кружевными рюшами, которое было сейчас на ней. Платьишко это было хорошо ей знакомо — она носила его два лета подряд в подростковом возрасте, пока не выросла из него окончательно. Сейчас, в её девятнадцать, оно было мало ей размера на два, если не на три, и было очень странно, почему она опять в нём — оно сковывало движения, и периодически приходилось поправлять на плечах бретели, чтобы при беге ненароком не вывалилась грудь. Даже тогда, когда оно было ей в пору, оно едва прикрывало бёдра чуть ниже середины, а сейчас и вовсе выглядело как нелепая, приталенная где-то подмышками, странная длинная майка.

Вокруг не было ни души, но девушка всё равно не была уверена, что одинока в этом странном лесу. Иногда ей казалось, что за ней кто-то постоянно наблюдает, а порой она не могла отделаться от мысли, что является невольной участницей какого-то дурацкого реалити-шоу. Софи представления не имела, как сюда попала, и что вообще здесь делает, просто подсознательно понимала, что нужно двигаться вперёд и вперёд по этой тропинке, ведь

где-то там и есть то самое место, дойдя до которого, она проснётся. Одно бедняга знала наверняка: если стоять или сидеть на месте и не двигаться, этого вообще никогда не случится.

Всё вокруг было одновременно и давно знакомым и каким-то зловеще-таинственным. Она узнавала некоторые деревья и повороты тропинки, но почему-то сейчас не могла отделаться от мысли, что что-то здесь изменилось, было вовсе не таким, каким она помнила, но точно сказать, что именно было не так, она не могла.

Шаг за шагом она продвигалась по тропинке куда-то вглубь леса. Ноги сами несли её и помнили, где нужно подпрыгнуть, чтобы не споткнуться о кочку, а голова знала, где следует пригнуться, чтобы не получить свисающими ветками по лицу. Пьянящий аромат каких-то незнакомых цветов пропитал воздух и наполнял лёгкие с каждым вдохом. Запах этот был знакомым, но сейчас она вдыхала его с особым удовольствием, как будто впервые. Платье сжимало плечи и грудь, оно было явно ей не по росту — почти полностью открытые бёдра хлестали и царапали ветки и стебли растений, которые росли вдоль тропинки с обеих сторон. Это существенно замедляло движение. «Хорошо ещё, что нет дождя, тепло и не скользко, как было в прошлый раз!» — думала Софи про себя.

«... Ещё кочка, ямка, ухаб... Осторожно... Ох и грохнулась же я здесь однажды!... Ствол поваленного дерева... Потом небольшой поворот... Всё правильно, уже совсем скоро!... Еще несколько шагов... Ну, где же?... А, вот они — три сросшихся странных дерева, рядом с ними всегда всё и заканчивалось!»

Почти достигнув, наконец, заветного места, Софи замедлила свой бег, перешла на шаг, а потом и вовсе остановилась, чтобы отдышаться. Сама не зная, почему, она поймала себя на мысли, что сейчас не хочет торопиться покидать это странное место. То ли потому, что давно не видела этот сон, то ли потому, что опасается, что попала в него в последний раз, то ли потому, что сегодня этот сон чем-то сильно отличался от своих прежних версий... Ей вдруг стало ужасно интересно, а что произойдёт, если она сейчас не проснётся?

«Что вообще может произойти с юной девушкой в дремучем лесу? Но почему же дремучем? Тропинка ведь есть, значит, по ней кто-то ходит. Значит, есть шанс кого-нибудь встретить. В лучшем случае этот кто-то поможет найти дорогу домой. А в худшем?... А что если тропинка эта не людьми вовсе протоптана? А кем?... Кабанами? Медведями? Лосями? Ненавижу лосей!... А медведей и кабанов просто боюсь, тем более диких! Нет уж, не надо мне экспериментов, нужно поскорее просыпаться!»

Все эти мысли роем пронеслись у Софи в голове. Наконец, она собралась, глубоко вздохнула полной грудью так, что затрещали и без того натянутые бретели, решительно закрыла глаза и, в надежде открыть их уже у себя в кровати, сделала пару шагов вперёд. Под ногами хрустел хворост, а ветер всё ещё задувал под подол и теребил на лбу чёлку... «Надо шагать ещё, наверное, чуть поторопилась глаза закрывать... « — подумала она и сделала еще несколько аккуратных шагов, не открывая глаз. Ничего не изменилось. По крайней мере, этого нельзя было понять, не открывая глаз. Но она точно всё ещё не у себя в постели! «Что за... ладно, ещё шаг... ничего... ещё шажок... ещё... ОЙ!!!»

Глаза пришлось открыть по экстренным показаниям: она больно врезалась лбом в дерево, которое стояло в метре от тропинки, с которой она свернула, шагая вслепую. Обиде и досаде девушки не было предела: лоб гудел, перед глазами летали искорки, а те самые три сросшихся дерева остались давно позади. Вот теперь она испугалась не на шутку! Бегом вернулась на исходную позицию и проделала всё заново точь-в-точь, как уже не один десяток

раз до этого, но на этот раз на всякий случай вытянула перед собой руки. Слепое шагание закончилось теперь объятиями с тем же деревом, которое при ближайшем рассмотрении оказалось вековым дубом. Снова вернулась, убедилась, что место то самое, снова несколько шагов, но проснуться никак не получалось!

Лёгкая паника?... Нет, скорее, первобытный ужас — вот, что овладело сейчас юной Софи! Лоб всё ещё болел, глаза заливали слёзы, становилось холодно, потому что солнце уже почти коснулось горизонта, а ветер усилился. Она села прямо на землю под тем самым дубом, оперлась о него спиной и головой, вознесла взор к небесам, и тоненько захныкала, не зная, что ей теперь делать...

Просидев так какое-то время, она почувствовала некоторое облегчение. Возможно, энергетика старого мощного дерева придала ей сил, а может, и на самом деле обстановка вокруг несколько изменилась. Как бы то ни было, ветер почти стих, как по команде умолкли птицы, а вместе с их гомоном куда-то пропало ощущение тревоги, суеты и беспокойства, к стрекоту кузнечиков добавилось ритмичное гудение цикад. Соня открыла глаза, чтобы осмотреться и придумать, как быть дальше. Обстановка вокруг перестала казаться ей такой уж враждебной, но всё равно было как-то не по себе. Дуб, под которым она сидела, равно как и тропинка, и бесполезные, как теперь выяснилось, три сросшихся дерева были на месте. Попробовала шевельнуться, чтобы сесть поудобнее, как вдруг поняла, что сидит на чём-то жестком, будто пляжная галька, об этом ей сообщила её нежная попка, которая сквозь тонкий ситец платья прекрасно чувствовала все неровности под собой. «Ну, конечно — жёлуди!... Это ведь дуб!... Так, надо отсюда поскорее убираться, пока семейка голодных кабанов не заявилась поужинать!» — с этими словами девушка сгруппировалась, попыталась встать на ноги, но наступила босой стопой на что-то колючее, ойкнула, резко присела и рухнула на одно колено. Узкое платье затрещало и разошлось по шву где-то сзади на уровне попы. Софи досадно чертыхнулась и, чтобы оценить повреждения, машинально ощупала рукой место предполагаемого прорыва... «Аааа-блиииин!... « — закричала она. «... блиин,... лиин,... лин... « — повторило гулкое эхо. «НУ ПОЧЕМУ?» — этот вопрос возник у неё в сознании, но остался без ответа.

Нет, не порванного платья ей было жалко, хотя дыра была такой, что в неё помещались три её пальца. Дело было в том, что, ощупывая себя рукой, она вдруг поняла, что под платьем у неё ничего нет! То есть, то, что на ней нет лифчика, она знала давно, но тот факт, что нет и трусиков, её серьёзно обескуражил. «И как за столько времени можно было это не понять?! И почему вообще я сейчас здесь голая в этом идиотском платье?! Нет, что-то не то сегодня с этим сном! Надо срочно просыпаться!!!» — думала она, извернувшись спиралью, чтобы глазами узреть дыру в платье и зияющую сквозь неё белую кожу своего аккуратного задика.

Ломиться по чаще сквозь кусты и бурелом в таком наряде, ещё и босиком, было бы неразумно. Других тропинок здесь не наблюдалось. Поэтому Софи решила следовать по той же тропе и в том же направлении. Бежать смысла теперь не было, так что она просто шла, вглядываясь в окружающие предметы и пытаясь найти хоть какую-то подсказку...

Над лесом сгущались сумерки. Ощущение полного одиночества сменялось опасением, что за ней наблюдают. Ни то, ни другое не доставляло комфорта, но второе заставляло ещё и по привычке одёргивать рукой платье сзади, которое, как ей казалось, задралось слишком высоко, и могло ненароком оголить низ её белой попочки.

Софи шла, тропинка виляла и становилась всё менее различима ни то оттого, что была

меньше протоптана, ни то оттого, что сумерки становились всё гуще. Местность вокруг она давно уже перестала узнавать, а значит, был шанс, что ходит она не кругами. Сколько это продолжалось, девушка не знала, но казалось, что она в этом лесу уже вечность! Ей уже давно хотелось есть, а теперь ещё пить и, простите, писать! Вечерняя прохлада и сидение на сырой земле под дубом сделали своё дело. Каждый новый шаг отдавался предательской волной свербящего ощущения внизу живота, сдерживать которое становилось невыносимо... «А что? Никого ведь нет! Присяду прямо на тропинке... А если кто-то увидит? Вдруг смотрит кто-то прямо сейчас? Нет, не здесь, дойду то того дерева... А, нет, не пойдет — здесь какие-то колючки и паутина — фу!... — пожалуй, ещё пройдусь... Может, на тот холмик? Нет, совсем на виду окажусь... Уйййй... не могу больше терпеть!... А, вон там, чуть впереди справа довольно высокий кустик, дойду до него, хоть не так заметно будет, если что... « — думала юная особа, параллельно вспоминая о том, что во сне вообще-то писать нельзя: есть большой риск проснуться потом в мокрой пижаме!... Но её ладошка уже была плотно прижата к промежности, и казалось, если её убрать, сразу же может случиться конфуз...

Дойдя до заветного растения, она остановилась, осмотрелась, снова одёрнула платье, немного постояла... Было ещё слишком светло, чтобы надеяться, что её никто не разглядит среди лесной зелени в этом ярком красном одеянии. Но идти дальше и ждать, пока наступит темнота, сил не было.и это без всяких игрушек — ласкала себя только пальчиками!) По прошествии стольких дней волоски уже должны были начать кое-где проглядывать, и писька должна быть на ощупь немного ершистой, но нет — гладкая, как у девочки-припевочки! Девушка зачем-то пару раз звонко шлёпнула себя левой ладонью по растопыренной для просушки на ветру письке. Чтобы снять нахлынувшее жжение, несколько раз провела по щелке кончиками пальцев, как бы жалея её, от лобка до самого ануса. С удивлением обнаружила, что и вокруг него тоже идеально гладко и чисто, и это несмотря на то, что в попе она точно никакой депиляции не делала! «Гм... странно... но этот сон мне почему-то нравится всё больше и больше!» — думала она и не заметила, как стала вертеть вокруг уже немного набухшего от всех этих мыслей клитора пушистым кончиком того самого «нахального петушка». Про свои голод и жажду она мгновенно забыла и думала сейчас только об одном... «Вот блин!... Как же хочется-то!... Ммм... Я такая там классная и сладкая, а никого рядом нет! Сама бы себя в такую писечку ебала... если б могла! И попочка такая ловкая и чистенькая... ААА!!! Хочу!!! Хочу кончить!!! Очень хочу!... Кто-нибудь, вставьте мне прямо здесь!!!» — мечтала она, снова прикрыв глаза. Колосок уже давно тёр вместе с пальцами нежное влагалище похотливой девочки, то и дело ныряя в него с головой... Если бы минут десять назад ей кто-то сказал, что у неё вскоре появятся такие вот мысли, она бы этому идиоту, наверное, зубами в горло вцепилась, но сейчас именно эти мысли лавиной пробуждали в ней новые необузданные фантазии и желания.

«Нет, ну, правда! Я сейчас такая чистенькая голенькая, тёпленькая, сладенькая и вкусненькая — хоть в порно снимай крупным планом! Так бы и повертела сейчас попочкой прямо перед объективом дорогой камеры! И пусть там все на меня обдрочатся!!!» — думала похотливая мокрощелка, ощупывая всю себя снизу, продолжая сидеть голяком на корточках в кустиках. Особенно её заводило идеально гладкое отверстие попки — ни одного волоска, пенька или намёка на прыщик! А водить по нему пальчиком было возбуждающе щекотно.

В принципе, предостережений относительно мастурбаций во сне она не знала, и желание лечь сейчас на спину на мягкую траву, задрать вверх широко раздвинутые ножки и предаться

греховному бесстыдству прямо под этим кустом стало овладевать девушкой. Но она и на секунду не хотела отрывать рук от своей горячей и хлещущей соками писечки!..

Дрочить себе писю Софи умела. Маленькие девичьи пальчики искусно орудовали в растопыренной пиздёнке, поочерёдно ныряя во влагалище и распределяя изливающиеся оттуда горячие скользкие соки вокруг маленького розового клитора, томя его при этом неторопливыми ласками. Задействованы были пальцы обеих рук, они со знанием дела онанировали распалённую пиздочку своей симпатичной молодой хозяйки.

В какой-то момент Софи вдруг почувствовала мягкое и тупое прикосновение к своему нежному анусу, который она сейчас с наслаждением то сжимала, то расслабляла, усиливая тем самым свои сексуальные ощущения. То, что к ней там прикоснулось, моментально уловило ритм этих сокращений и стало вторить им, то усиливая нажим, то немного отступая.

Это был точно не колосок осоки! А что тогда?! Софи представить даже боялась! Она судорожно поднесла руку — снизу её попочки находилось что-то мягкое, массивное и тёплое, а значит — живое! «Ууиииииии!!!» — снова громко разнеслось по лесу. «Ииии... иии... ии... « — повторило по привычке эхо. Девушка подскочила, как ошпаренная и попыталась бежать, куда глаза глядят, но, не сделав и пары шагов, обо что-то споткнулась и растянулась навзничь на живот. Закрыв глаза, она перевернулась на спину и приготовилась всеми конечностям отбивать атаку какого-то хищника. Но на неё никто не нападал. Прикрыв руками лицо, она осторожно приоткрыла сначала один глаз, затем второй. Сквозь густые кроны деревьев всё ещё проглядывало меркнущее в семерках небо.

Софи не сразу рассмотрела его в потёмках. Он стоял метрах в двух от неё, как раз там, где она сидела до того. Он был похож на человека: голова, руки, ноги — всё было обычным, но рост!... Ростом он был метра два с половиной! Почему «он»? — крепкое телосложение, широкая грудь, массивные плечи и огромные руки с ладонями размером с ковш небольшого экскаватора! Шевелюра на голове была длинная, местами с проседью, по бокам свисали две странные небрежно заплетённые косички. На лице присутствовали густые усы и такая же борода длиной сантиметров десять, вся эта растительность почти полностью скрывала массивный нос и пухлые губы. Глаза посажены глубоко, но даже несмотря на это, от них исходило какое-то неестественное зеленоватое свечение. Торс был голым, поросшим густыми волосами. Ноги босые. Из одежды на нём был только «килт», или как ещё можно назвать юбку из грубо выделанной толстой кожи, прикрывавшую ноги почти до колен?

Как ни странно, ужаса Софи не испытала. Больше всего она боялась, что это окажется дикий зверь, но на зверя он был не похож. Хотя и на человека тоже похож он весьма условно! «Если бы хотел убить, уже бы прирезал!... или загрыз!... или шею свернул — он ведь сзади ко мне подкрался!» — успокаивала себя Софи.

— Вы... кто такой? Что Вам нужно? — вежливо, но требовательно осведомилась девушка, убрав руки от лица и расправляя на бёдрах подол платья.

В ответ он ничего не ответил. Даже не шевельнулся. Просто продолжал стоять и таращиться на неё, лишь его нос часто подергивался, раздувая ноздри, как бы принюхиваясь к какому-то новому манящему запаху. «Может, он немой? Или по-русски не понимает?» — подумала она.

— Я сейчас отсюда уйду! Отпустите меня, ладно? — предложила Софи, дублируя всё сказанное жестами, как могла, и стала было подниматься.

— Я Овин. Я здесь давно. Не бойся... — прогудел гортанным басом великан.

— Здравствуйте, Овин, можно я просто уйду, ОК?... то есть, хорошо? — она старалась быть

нарочито вежливой и корректной, чтобы не спровоцировать конфликт.
— Нет! Не уходи! Не бойся...
— Я не боюсь, просто поздно уже, мне пора...
— Нет! Не бойся! Не уходи... Я здесь давно! Я всё видел! — собеседник говорил все слова одинаковым тоном, и нельзя было разобрать по интонации, враждебно ли он настроен.
— О, господи... Простите, я сама не знаю, что на меня нашло, этого больше не повторится! — тараторила Софи, краснея, и медленно готовясь к тому, чтобы быстро встать и дать дёру.
— Не надо уходить. Я знаю. Я здесь давно. — не унимался великан и с этими словами быстро, но бесшумно вплотную приблизился к Софи, которая к тому моменту уже сидела на траве.
— Ну, пожалуйста... отпустите меня! — взмолилась девчушка и инстинктивно плотно сжала колени.
— Нельзя уходить. Я здесь давно. Не бойся. Я всё видел! Покажи мне ещё! — сказал великан, присел напротив девушки и положил свою огромную мягкую, с гигантскими пальцами, ладонь ей на голое колено.
Соня только сейчас поняла, что именно прикоснулось к её попке и так напугало её — это был всего лишь его палец, скорее всего, средний. Голое девичье колено полностью было покрыто его могучей, поросшей снаружи волосами, рукой. Он нежно, но властно немного сжал пальцы и стал отводить в сторону юную ножку.
— Я видел! Покажи мне ещё! Покажи там... — голос его сейчас звучал немного иначе, в нём чувствовалось волнение, а пальцем левой руки он недвусмысленно указывал ей между ног.
— Простите меня... я не хотела Вас обидеть!... Не надо... ну, пожалуйста!!! — взмолилась молодая сыкушечка.
— Не бойся... Овин смотреть... Я здесь давно! Покажи ещё всё! — настаивал великан и теперь уже двумя руками раздвигал девчонке ножки.
Софи понимала, что противостоять силой ему не получится, а убежать — уже не получилось. Как ни унизительно это звучит, но она решила раздвинуть колени и подчиниться. «Пусть смотрит» — решила она — «Может, посмотрит и отпустит? Маловата я для него, ему нужна великаниха!» — с этими мыслями она расслабила ноги, и жадному взору огромного незнакомца предстала её раздроченная безволосая щелка. От ощущения стыда от своего положения по всему телу девушки прокатила волна, вызвавшая сокращение внутренней мускулатуры, в результате недавно обласканный розовенький клитор напрягся и несколько раз дернулся. Великан гортанно выдохнул ртом, и волна его горячего дыхания пронеслась по её бёдрам, лобку, животу и писе. Его нос снова стал раздувать ноздри, жадно вдыхая аромат девичьего естества. Было очевидно, что ему не просто нравится запах у неё между ног, он просто будоражит его до трясучки! — Я видел — писела! — улыбнулся великан — Покажи ещё!
— Я... я не смогу сейчас больше! — засмущалась Софи, тем более, что никогда в жизни она не делала этого для зрителей!
— Я видел била писю... Потом гладила... И попу трогала... Делай так Овин смотреть!... — не унимался незнакомец.
— Нет-нет-нет!... — запищала девчонка и попыталась сдвинуть колени, а у самой от этих мыслей томно заныл низ живота.
— Я видел!... Сиди снова так... Покажи писю! Хочу трогать! — бесцеремонно предложил гигант.
— Пожалуйста, не надо!... Мне очень стыдно будет! Я не могу!!! — почти расплакалась Соня.

— Тогда ложись! Не бойся… — приказал он и опять мягко, но властно подтолкнул девушку своей огромной ладонью в грудь, предлагая откинуться назад и лечь на спину, оставив этого бородатого гиганта наедине со своей голенькой нежной и мокрой писькой.

Софи и опомниться не успела, как оказалась лежащей на земле в позе цыплёнка табака (точнее — курочки!) — то есть ножки её были широко раздвинуты и плотно поджаты коленями почти под самые сисечки. Руки великана лежали на внутренней стороне её бёдер, не давая ни малейшего шанса их сдвинуть и хоть как-то ограничить доступ к растопыренной щелке и попочке.

— Я видел писела! Потом трогала! Била и трогала… Не бойся… Овин смотреть и нюхать! — радовался и предвкушал великан.

С этими словами он склонился над маленькой мокрой писькой и стал жадно нюхать сначала её, а потом и чистенькую, немного увлажнённую попку. Он глубоко вдыхал ароматы девичьего стыда и шумно выдыхал так, что подол платья раздувался как купол парашюта. Он давно вымочил нос, бороду и усы соками девичей похоти, и когда вдыхал её попочку, мокрый нос и волосы на его лице холодили Софи ягодички и ложбинку, внутри которой располагается анус.

Снова писюлька — глубокий вдох, его огромный тёплый нос немного погружается меж её сладеньких губок, трогает клитор, скользит внутри щелочки, теперь ещё кружок — усы и борода щекотят бесстыжую письку, а нос засасывает запах юной девочки так, что по лобку и бедрам пробегает ветерок… теперь долгий и шумный выдох горячего воздуха… И снова попочка — он чуть нажимает ей на бёдра и немного перекатывает её от себя так, чтобы ближе пододвинуть к себе её беззащитную попу, холодит мокрым носом и усами чувственную кожицу внутри попы, вплотную утыкается носом в розовую нежную дырочку девчачьего зада, стараясь понюхать её изнутри… потом опять выдох такой силы, что на мягких полупопиях девочки на мгновение появляются вмятины от напора воздуха из его ноздрей…

Софи, боясь дотронуться до его рук или огромной головы (возможно, опасаясь нащупать в густой шевелюре рога?), прикрыла ладошкам себе лицо. Ей никто и никогда не делал кунилингус, но она видела это в фильмах, и мечтала, чтобы с ней когда-то произошло это именно в такой позе. Было ужасно стыдно, но и невыносимо приятно ощущать чьё-то горячее дыхание из открытого рта вблизи своей возбуждённой письки. К тому же сам факт, что он сейчас рассматривает её красивую голую щелочку с такого близкого расстояния, зарывшись к ней в подол, возбуждал невероятно. Интерес незнакомца к её попе сначала обескураживал, она всегда считала, что мужчин женская попка интересует лишь как объект созерцания, ну, максимум — захочется разочек шлёпнуть или полапать булочки… а он интересовался ей, недвусмысленно давая понять, что и, так сказать, внутренний мир девичьих попочек ему очень даже небезразличен!

Так продолжалось ещё минуть пять, или даже больше, пока великан, не на шутку возбудившись ароматами и видами под подолом у юной похотливой красотки, не решил перейти к более активным действиям.

— Не бойся! Ева тихо лежит… Овин писю сосёт и лижет! — проговорил он одурманенно своим басом.

Теперь Софи знала, что он зовёт её Евой. Она чувствовала себя сейчас заправской блядью, ублажающей богатого клиента со странностями — ещё бы, ведь никто и никогда не нюхал ей попу с таким наслаждением. Но мерзко ей не было, наоборот — она была бы не прочь

посмотреть, что и как он проделывает сейчас у неё под юбочкой! К тому же и её чистенькая попка, и мокренькая пиздочка сейчас выглядели (а, наверное, и пахли тоже!) так, что хоть на обложку глянцевого журнала, порнографического, разумеется! А от последней реплики великана она вообще чуть не описалась от предвкушения ощутить его огромный горячий язык во влагалище, а если повезёт — то и в попочке тоже!..

Овин не заставил долго ждать: перехватившись ручищами поудобнее, он пригвоздил «курочку табака» к земле так, что у бедняги даже немного хрустнуло что-то — настолько широко он развёл её маленькие ножки. Софи тихонько ойкнула, боль была терпимой, и она решила не возражать. Наоборот, мысль о том, что её сейчас насилует в тёмном лесу брутальный незнакомец, невероятно возбудила её, ей казалось, что она готова разрешить ему себя хоть наизнанку вывернуть, лишь бы он не передумал!

Возбуждённая писька расцвела розовым влажным бутоном прямо перед лицом Овина. Он, не долго думая, открыл свой рот, вытянул огромный горячий скользкий язык вперёд и целиком ввёл его в трепетные недра молоденькой письки. «Иии... аааааааxx... « — раздалось тихонечко тоненьким голоском. Когда язык полностью погрузился Софи в пиздочку, Овин полностью покрыл своими пухлыми губами и лобочек, и обе её половые губки, а нижняя его губа свисала почти до входа в девичью попочку. Он провёл неподвижно так несколько секунд, а затем начал буквально вылизывать её сочную писю изнутри! Его язык заполнил, казалось, все укромные уголочки её влагалища, и не было у нашей девочки даже точки внутри писюли, где он бы не смог потереться, лизнуть и поласкать. Движения языка были сначала медленными, почти ленивыми, но постепенно в них появился какой-то ритм, подчиняющий всё девичье тело танцу, который медленно, но неминуемо вёл её к долгожданному оргазму. Его пухлые губы плотно облегали безволосую писю, и тоже были в постоянном движении, мусоля пыпырочку, ни на мгновение не отрываясь от нежной гладкой кожицы.

Овин сосал Еве письку с таким удовольствием, так умело и самозабвенно, что со стороны казалось, что он не просто ласкает девушку, а пытается ни то проглотить её, ни то высосать через писю из неё все соки. Соков, надо сказать, было в изобилии. У Софи при возбуждении щелка всегда была щедра на смазку, вкус у неё был ярким, сладко-солоноватым (она сама иногда пробовала её на язык, поднося ко рту мокрые пальцы, когда дрочила). А сейчас из её измученной недавно прерванными ласками пиздёнки просто изливались горные потоки, которые великан шумно проглатывал, ещё более жадно натягивая свой огромный горячий рот на Сонькину безволосую писечку, создавая вакуум и втягивая в себя клитор и внутренние губки. Язык его при этом выписывал внутри сальто и кульбиты, сводившие сума юную девочку. Глаза у неё закатились, ротик приоткрылся, а руки метались: то они были распластаны в разные стороны по земле, то мяли маленькие сиськи.

Волна оргазма подкатывала давно, блуждая в томящей близости, но никак не решалась накрыть девчушку. Она протяжно постанывала на одной ноте и часто дышала маленьким ротиком, боясь при этом стонать слишком громко, чтобы не привлечь своим криком каких-нибудь хищников, и даже закусила себе согнутый указательный палец на всякий случай. И вот, наконец, гребень — не волны — цунами оргазма накрыл нашу «курочку табака» с такой силой, что всё её нежное тельце несколько десятков раз часто содрогнулось немыслимыми спазмами, уносящими его хозяйку на грань бытия!... Соски на обеих сисях торчали. Пися девочки выпустила последнюю струю соков прямо в огромный рот Овина так искусно сосавшего её. Он жадно проглотил их, ещё несколько раз проворно провернул

огромным всезаполняющим языком и отсосался от натруженной девичьей промежности, наконец. Несколько раз лизнул Софи прямо в попочку, ощутив кончиком огромного разгорячённого языка гладкую упругую плоть девичьего сфинктера.

Некоторое время оба тяжело дышали. Потом Овин ослабил давление рук на её бёдра и констатировал:

— В попу не здесь. Хочу попу Ева. Пойдем! Не бойся… — с этими словами он поднялся, ловко схватил всё ещё одурманенную бешеным оргазмом малышку, взвалил её себе на плечо как вязанку хвороста, и зашагал дальше по тропинке.

Софи всё это воспринимала сквозь туман. В глазах рябило, в ушах гудело. В письке и внизу живота временами били отголоски спазмов оргазма… Сознание более или менее к ней вернулось лишь минут через десять. Всё это время она ехала, лёжа на широченном плече своего нового знакомого. Она лежала животом вниз, голова была сзади, а он придерживал её могучей ладонью за бёдра…

Она смотрела с высоты своего положения, как шагают могучие пятки Овина и слушала, как хлопает по его ногам подол странного наряда, похожего на кожаный килт. Спина гиганта была голой, густо поросшей толстыми кудрявыми волосами. Стройная талия Евы полностью помещалась на могучем плече великана. Из разорванного (вероятно, при падении, которым закончилась попытка бегства) платья вывалилась девичья грудка, она была похожа на небольшой подтаявший молочный пудинг, увенчанный сверху розовой вишенкой соска. Сися и сосочек колыхались в такт шагам и тёрлись о грубые волосы на спине Овина. Это было одновременно щекотно и мучительно приятно, от этого по всему телу пробегала волна неги. Сквозь прикрытые глаза Ева смотрела на монотонно сменяющие друг друга пятки и мускулистые икры великана, как вдруг ей показалось, что его левую ногу обвивает что-то длинное круглое и кожистое, похожее на тело крупной змеи. Глаза девушки широко раскрылись от испуга, но на следующем шаге на ноге уже ничего не было, и на следующем тоже. Она решила, что ей померещилось, снова прикрыла глаза и поудобнее расположила сосок, чтобы он и дальше тёрся о волосатую спину лесного гиганта.

Овин шагал ровной походкой, покрывая за один шаг почти полтора метра. У него из головы никак не шёл запах тёплой попочки бесстыжей Евы и вкус горячих соков её похотливой пиздёнки. Он помнил, как она дышала и стонала, когда он вылизывал и сосал её писечку. Ещё он не мог забыть, как наивная малышка сначала долго семенила по тропинке, держась рукой за письку, и потом присела и пописала за кустом прямо перед ним. Он не хотел её напугать, но не смог устоять — так ему захотелось ощутить тепло и запах самых бесстыжих мест молоденькой Евы именно в такой недвусмысленной позе. И вот сейчас он несёт её к себе в дом, где будет ласкать, сосать и ебать во все щелочки и дырочки своим нестандартным (по меркам обычных Ев) ртом, языком и членом. Он нёс её в своё никому не ведомое логово в глухом лесу не чтобы причинять боль, вред или унижения, а чтобы воплотить в жизнь самые заветные её сексуальные желания, мечты и фантазии, о которых сознание не в силах признаться даже само себе, но зато подсознание очень хорошо знает, а именно оно управляет Софи сейчас в этом сне.

* * *

Овин был здесь действительно давно — сколько себя помнил. По крайней мере, так ему казалось. И он был местным. Но не в том смысле, что был из этих мест, а в том, что он принадлежал этому миру, этому лесу, этому сну… Он, как и Ева, лежащая на его плече, тоже

подсознательно понимал, что мир вокруг не вполне реален. Но правила и порядки, царившие в нём, были строги и общи для всех. Главным было правило — делать то, что требуется, любые попытки игнорирования требований или их бойкота карались суровыми пенальти. Однажды он решил взбунтоваться и наотрез отказался идти на встречу очередной Еве, но когда вернулся домой, не обнаружил на месте своего дома, он попросту исчез! Дом появился снова лишь когда Овин исполнил предназначение, но он был не таким хорошим и уютным для него, как прежний. За то долгое время, что он был в этом сне, он понял главное — насколько ты добросовестно делаешь то, что от тебя требуют, тем меньших жертв и усилий тебе это будет стоить! Таким вот суровым был этот мир и для Овина, и для тех Ев, которые сюда попадали.

Например, он знал, что встреча с этой юной бесстыдницей сегодня вечером была не случайной, — от него требуется делать то, что он с ней уже сделал и будет делать дальше. И чем лучше он расстарается, тем больше удовольствия получит сам. Чем сильнее будет трепыхаться это белопопое создание на его члене, чем больше соков он высосет из её похотливой письки, и чем мощнее будут струи спермы, которые он закачает в глубь её попочки, тем больше бонусов получит он сам.

Надо сказать, что подобные миссии выпадали ему довольно часто. Ему и раньше приходилось встречать в этом сне особ прекрасного пола, причём самых разных возрастов и внешности. С некоторых нужно было просто сорвать нижнее бельё и заставить побегать от него по лесу. Некоторых следовало наказать — нагнуть и выпороть по голой заднице хворостиной. Кому-то был нужен просто животный секс под колючим кустом с брутальным великаном... И это всё стало для него давно уже в каком-то смысле рутиной.

Последний более или менее интересный случай на его памяти был таким: в его сон явились сразу две девушки, они были подругами, причём обе с явными лесбийскими наклонностями; при этом они скрывали это от всех, включая даже самих себя (общество, которому они принадлежали, было не готово это принять, и неприятностей было бы не избежать!). Их, разумеется, тянуло друг к другу, и только оказавшись здесь вместе, и повстречавшись с Овином, они смогли в полной мере насладиться своими телами. Он даже решил временно наделить их обеих небольшими членами, чтобы дать возможность в полной мере ощутить нежность щелок и попок друг друга. Они часто являлись сюда потом для этого, но он не вмешивался в их утехи и не выебал ни разу ни одну из них, а лишь в воспитательных целях в самом начале по несколько часов мастурбировал им поочерёдно письки, заставляя вторую внимательно за этим наблюдать. И это сработало — девочки в итоге получили то, что им было нужно от этого сна!

С Софи всё было не так просто и однозначно. Интуитивно Овин чувствовал, чего хочет она, и тут же начинал хотеть сделать с ней это сам, причём его желание было в десять раз сильнее, чем её! Но он не мог спрогнозировать, сколько продлится его встреча с ней, и что придётся делать в следующий момент. Как только он начинал реализовывать одно общее с ней желание, тут же возникало ещё парочка новых, ещё более страстных и одновременно странных. Странных даже для Овина!... И это сводило его с ума, подсказывало, что эта встреча с этой Евой будет особенной, не пройдёт бесследно и сильно изменит его жизнь.

Такое чувство возникало у него и раньше, но далеко не со всеми Евами, а лишь с некоторыми. Иногда ему казалось, что его сознание и память намеренно не сохраняют воспоминаний обо всех таких встречах. Само сознание Овина тоже не всегда было одинаково ясным. Порой он

чётко осознавал всё, что с ним происходит, а порой чувствовал себя лишь марионеткой, почти сторонним наблюдателем. В минуты просветления в голове роились мысли о том, что он должен вспомнить и сделать что-то очень важное, но он никак не мог вспомнить, что это, и это было мучительно. Порой казалось, что ещё мгновение — и память вернётся к нему, и всё встанет на свои места... Но сознание вновь затуманивалось, и он вновь бродил по лесу в поисках встречи с очередной Евой, попавшей в его мир.